

написано в 1389 г. или несколько позже).⁴ Против этой датировки В. П. Адрианова-Перетц приводит целый ряд возражений, говоря, что «в описании погребения нет ничего столь яркого, что бы не могло быть написано и много лет спустя после 1389 года. А литературные приемы автора говорят именно не о 1390-х, а уже о XV веке».⁵

Оснований для такой поздней датировки в статье автора три: 1) отмеченное ею сходство целой группы приемов автора «Слова о житии» с панегирическим стилем Епифания Премудрого. В. П. Адрианова-Перетц ставит даже вопрос: «не сам ли Епифаний сложил „Слово о житии“, повторив в нем некоторые из своих приемов?». Но этому «противоречит прежде всего то, что Епифаний обычно надписывал своим именем все написанное им». Следовательно, «Слово» написано подражателем Епифания, и его «придется датировать уже не 1390-ми годами, а временем не раньше 1417—1418 г., когда было написано Житие Сергия Радонежского. Если же учесть, что в „Слове о житии“ есть отголоски и слова похвального Сергию, притом не только несомненно принадлежащего Епифанию, но и так называемого „Слова неизвестного сочинителя“, то придется отодвинуть „Слово о житии“ еще несколько дальше»; 2) «с такой датировкой согласуется и тот факт, что автор „Слова о житии“ был знаком с переводом Дионисия Ареопажита, переданным на Русь, видимо, уже в XV веке»; 3) «с другой стороны, не безразличной может быть для датировки „Слова о житии“ политическая тенденция прощальной речи Дмитрия Донского к сыновьям и боярам. Он говорит боярам, восхваляя их: «Вы же не нарекоетесь у меня бояре, но князи земли моеия», а сыновьям завещает: «бояре своя любите, без воли их ничто же творите». В. П. Адрианова-Перетц пишет по этому поводу: «Это подчеркивание уважительного отношения к боярам-князьям является, может быть, отголоском обострившейся борьбы объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати. Такая борьба усилилась в 1432 г. и закончилась в 1453 г., причем шла она с переменным успехом: то брал верх московский великий князь, то одолевали его противники». В. П. Адрианова-Перетц считает, что в эти слова Дмитрия «вложена защита старых феодальных прав», авторитетом Дмитрия «прикрывается здесь защита старого порядка. Такую тенденцию проводить, хотя и осторожно, в литературе можно было только до 1453 г., т. е. до окончательной победы великого князя московского. Не эта ли скрытая политическая тенденция и заставила автора тщательно скрыть свое имя?»⁶

С этой датировкой согласился и Н. К. Гудзий. В шестом издании своего курса он пишет о «Слове о житии»: «Оно создано было, по-видимому, через несколько десятилетий после смерти Дмитрия Донского (ум. в 1389 г.). Для него характерен тот повышенно-витиеватый стиль, который стал у нас входить в моду с конца XIV в. и особенно обнаружился в житийных произведениях Епифания Премудрого, возможно оказавших влияние на „Слово о житии“».⁷ Все же по осторожным оговоркам «по-видимому» и «возможно» видно, что Н. К. Гудзий не вполне уверен в этой датировке, а в своей хрестоматии он говорит иначе: «Повесть создалась, видимо, вскоре же после смерти Дмитрия Донского

⁴ А. А. Шахматов. Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910, стр. 119. — С. К. Шамбинаго в статье о повестях о Мамаевом побоище (История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208) датирует «Слово о житии» 1390-ми годами.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии..., стр. 91.

⁶ Там же, стр. 91—92.

⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 231—232.